

КОНТИНЕНТ СМЫСЛОВ

Как устроено внешнее информационное влияние
на Африку

Оглавление

1. Введение	2
2. Методология.....	3
3. Африканское медиапространство: общий обзор	4
3.1. Информационная экосистема Африки	4
3.2. Социальные сети и мессенджеры.....	6
3.3. Структура владения СМИ	8
3.4. Проблемы и уязвимости	133
3.5. Выводы по разделу.....	144
4. Целевая аудитория и механизмы воздействия	166
4.1. Молодежь.....	166
4.2. Женщины и матери в традиционных сообществах.....	177
4.3 Военные и полицейские	18
4.4. Городская беднота и неформальные группы	19
4.5. Элита, чиновники и журналисты.....	200
5. Основные тенденции развития psyops в Африке.....	222
5.1. Стратегический прогноз: развитие psyops в Африке на горизонте 2025–2030	233
6. Потенциальные точки эскалации и изменения расстановки сил	255
7. Рекомендации для нейтрализации внешнего информационного давления.....	27
8. Выводы по отчету	311

1. Введение

Современное медиапространство Африки стало ареной активной конкуренции за сознание, лояльность и стратегическую ориентацию миллионов граждан, находящихся в условиях высокой социальной, институциональной и цифровой трансформации. Ускоренное проникновение интернета, доминирование глобальных платформ, неравномерность информационной инфраструктуры и слабость регулирующих институтов создают благоприятные условия для системного внешнего воздействия — как через мягкую силу, так и через скрытые информационно-психологические операции (psyops).

В условиях глобального геополитического сдвига, Африка становится не просто объектом экономического и дипломатического интереса, но и ключевым театром смысловой борьбы. Классические формы медиавлияния — международное вещание, образовательные проекты, культурная дипломатия — активно дополняются цифровыми инструментами таргетинга, дезинформации, контрповестки и поведенческой инженерии. Роль анонимных каналов, мемов, мобильных мессенджеров и псевдоэкспертного контента выходит за рамки второстепенного — они становятся основными векторами воздействия.

Анализ информационного пространства и стратегий влияния в африканском контексте требует не только технологической и медиалогической экспертизы, но и понимания культурных кодов, социальных практик потребления информации, нарративной динамики и поведенческой восприимчивости разных аудиторий. Психологические операции здесь не ограничиваются пропагандой — они направлены на формирование устойчивых установок, перераспределение доверия, демобилизацию одних групп и радикализацию других.

Настоящий отчет представляет собой попытку комплексного осмысления текущей конфигурации африканского медиапространства с точки зрения его уязвимости к внешнему информационному влиянию. В нем рассматриваются структурные характеристики среды, анализируются механизмы воздействия и целевые аудитории, выявляются ключевые акторы и нарративные стратегии, а также формулируются сценарии эскалации и практические рекомендации по повышению информационной устойчивости.

Цель исследования — предоставить стратегический инструмент для понимания, предупреждения и нейтрализации внешнего информационного давления в условиях ограниченных ресурсов, высокой фрагментированности и конкурентных внешнеполитических интересов. Африка сегодня — не просто континент экономических перспектив, но и одна из важнейших артерий глобальной смысловой конкуренции XXI века.

2. Методология

Данный аналитический отчет построен на основе **многоуровневого междисциплинарного подхода**, сочетающего инструменты стратегической коммуникации, когнитивной аналитики, политической социологии и OSINT-мониторинга. Исследование не является описательным — его задача заключалась в **выявлении уязвимостей, логик вторжения, точек воздействия и нарративных трансформаций**, реализуемых внешними акторами в медийных и психосоциальных системах стран Африки.

Исследование строилось по четырёхступенчатой схеме:

1. **Картирование медиасреды и каналов влияния:** анализ охвата, структуры владения, форматов потребления, цифровой инфраструктуры.
2. **Выявление ключевых игроков и механизмов psyops:** оценка инструментов воздействия, платформенных векторов и типов нарративов.
3. **Типологизация целевых аудиторий:** поведенческое, социально-политическое и когнитивное сегментирование.
4. **Стратегическое прогнозирование и сценарное моделирование:** вероятные зоны эскалации, смена расстановки сил, уязвимые узлы.

Анализ опирался на сочетание **открытых и специализированных источников**, включая:

- **OSINT-платформы и дата-репозитории:** African Media Barometer, DW Akademie, Reporters Without Borders, GSMA Intelligence, Digital 2023 Africa Report.
- **Мониторинг соцсетей и цифровых платформ:** Telegram, TikTok, WhatsApp-группы, Facebook-страницы, YouTube-каналы, агрегаторы (NewsNow, AllAfrica).
- **Документы и аналитика международных игроков:** отчеты USAID, Fondation Hirondelle, BBC Media Action, CGTN Africa, France Médias Monde, British Council, NED, RAND Corporation.
- **Научные и поленаучные исследования:** публикации из Scopus/WoS, доклады аналитических центров (ACSS, ISS, Carnegie, Chatham House).
- **Контент-анализ локальных СМИ** (радио, ТВ, порталы) в выборке 12 стран: Нигерия, ЮАР, Кения, Мали, Буркина-Фасо, Сенегал, Камерун, ЦАР, Гана, Судан, Эфиопия, Руанда.

Применялись следующие методы анализа:

- **Контент-анализ:** тематическая и семантическая разбивка медиа- и соцсетевого контента с фокусом на внешние нарративы и признаки psyops.
- **Сравнительный институциональный анализ:** оценка регуляторных, инфраструктурных и политико-культурных различий по странам.
- **Когнитивное профилирование аудиторий:** на основе моделей восприятия, эмоциональной вовлеченности и шаблонов доверия.
- **Сетевой OSINT-анализ:** картирование каналов, ботов, взаимосвязей медиапрокси.
- **Нарративный декодинг:** выявление метафор, ценностных рамок и повторяющихся конструкций в медиасюжетах.
- **Scenario mapping:** построение прогнозных моделей эскалации на основе динамики инфопотоков, политического календаря и активности внешних игроков.

Ограничения исследования:

- **Физическая недоступность ряда стран** (ЦАР, Ливия, Чад) ограничила глубину верификации офлайн-данных.
- **Сложность интерпретации “серых” Telegram-сетей** и анонимных децентрализованных медиаструктур.
- **Высокая скорость мутации нарративов** (особенно в TikTok и WhatsApp) требует постоянного обновления анализа.
- **Языковое разнообразие** (более 200 языков в выборке) в ряде случаев компенсировалось через перевод и использование транскриптов.

3. Африканское медиапространство: общий обзор

3.1. Информационная экосистема Африки

Африканский медиаландшафт отличается высокой **гетерогенностью**, обусловленной неравномерным развитием инфраструктуры, различиями в уровне урбанизации и доминированием определённых типов каналов в зависимости от региона.

Географическая часть	Доминирующие телеком компании	Присутствие иностранных медиа
Юг	MTN, Vodacom	BBC, RT, France 24
Восток	Safaricom, Airtel	CGTN, Al Jazeera, BBC
Север	Orange, Etisalat	France 24, Al Jazeera
Запад	MTN, Airtel	BBC, Al Jazeera, RT
Центр	Orange	France 24, RT
Сахель/ постконфликтная	Huawei	RT, Wagner Media, CGTN

Мобильные сети и телеком-инфраструктура имеет высокое значение для стран Африки: 85% интернет-доступа (в основном 3G и 4G сети) формируется через них, и это создает специфическую практику (короткие видео, мессенджеры, Facebook Lite).

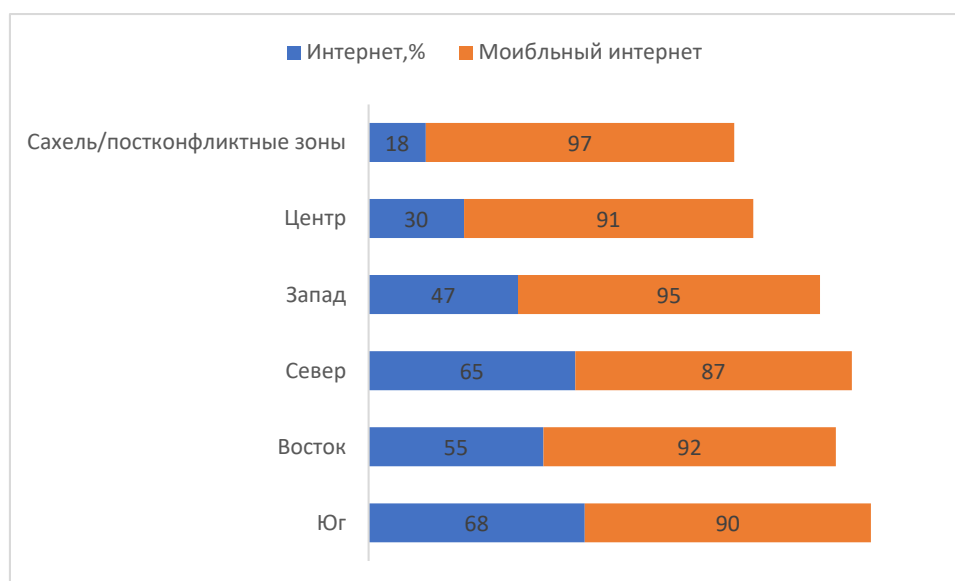

Рисунок 1. Цифровизация в Африке

Ключевым игроком в строительстве цифровой инфраструктуры является китайский Huawei. Ведущие операторы мобильной связи являются в основном зарубежные компании:

- MTN Group – крупнейшая на континенте, заняла рынок в Южной Африке;
- Orange – относится к франкоязычной Африке, тесно аффилирована с французской soft-power;
- Airtel Africa – британо-индийская компания, в основном имеет распространение в англоязычной Африке;
- Safaricom – кенийская компания, лидер в цифровых финансовых услугах.

Распространение инфраструктуры мобильной связи на африканском континенте формируют особые условия для мобильных приложений. Такие инициативы увеличивают скорость распространения как полезного контента, так и дезинформации.

Несмотря на рост подключений, устойчивость цифрового пространства остается слабой. Зависимость от иностранных операторов и платформ, недостаток локальных хостингов, применение «kill switch», слабость законов о защите персональных данных – все это создает благоприятный фон, для внешнего вмешательства во внутренние политические процессы стран. Перечисленное усиливается языковым барьером и низкой цифровой грамотностью, что делает население стран восприимчивыми к фейкам, кибератакам и психологическим операциям, а также переведенная информация используется внешними силами для манипулятивного донесения населению.

Африканское медиапотребление формируется под воздействием инфраструктурных, культурных и демографических факторов. Разные каналы имеют различный охват и степень влияния в зависимости от региона, уровня урбанизации, грамотности и доступа к технологиям.

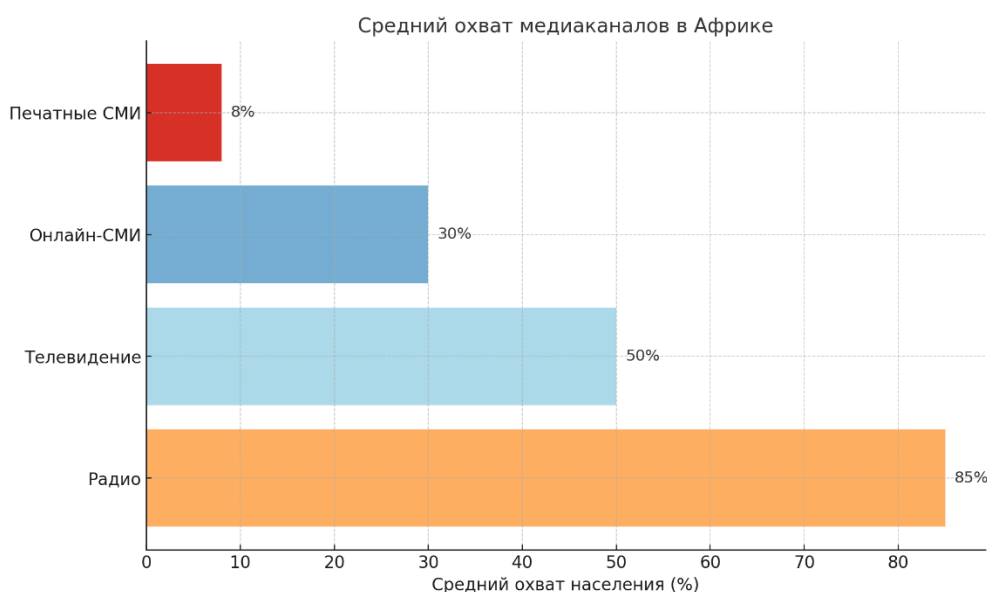

Рисунок 2. Средний охват медиаканалов в Африке

При этом цифровое медиаповедение фрагментированное и синкретичное: пользователи потребляют одновременно мемы, голосовые сообщения, религиозные видео и новостные заголовки. При этом большое значение имеет устное и слуховое распространение новостей (гибридная устная пресса). Языковое разнообразие затрудняет внешним игрокам осуществлять единое воздействие, что является естественной защитой от вредоносного информационного влияния на политические и общественные процессы на континенте.

Африканская информационная экосистема представляет собой сочетание традиционных и цифровых каналов, развивающихся неравномерно в зависимости от уровня урбанизации, политической стабильности и экономического развития. Радио остается наиболее охватным и влиятельным медиа, особенно в сельских районах и среди малограмотных слоев населения. Это

делает его ключевым инструментом для информационного и психологического воздействия, включая дезинформационные кампании. Телевидение занимает промежуточную позицию, активно используется как внешними медиаструктурами (BBC, RT, CGTN), так и национальными государственными каналами для продвижения официальной повестки. Онлайн-СМИ и цифровые платформы демонстрируют динамичный рост, особенно в городах, но часто страдают от низкой достоверности, политической ангажированности и зависимости от социальных сетей. Печатные СМИ постепенно утрачивают массовое влияние, сохраняясь как инструмент влияния на узкие элиты. Такая структура медиаполя создает благоприятные условия для гибридных форм psyops, комбинирующих устные, визуальные и цифровые каналы в зависимости от целевой аудитории и региона.

3.2. Социальные сети и мессенджеры

Социальные платформы стали не просто каналами коммуникации, а **ядром цифровой социальной инфраструктуры** в Африке. Они охватывают миллионы пользователей, включая молодёжь, политически активные группы, блогеров и маргинализированные сообщества. Именно эти платформы сегодня являются **ключевыми точками входа для внешнего влияния и проведения информационно-психологических операций (psyops)**.

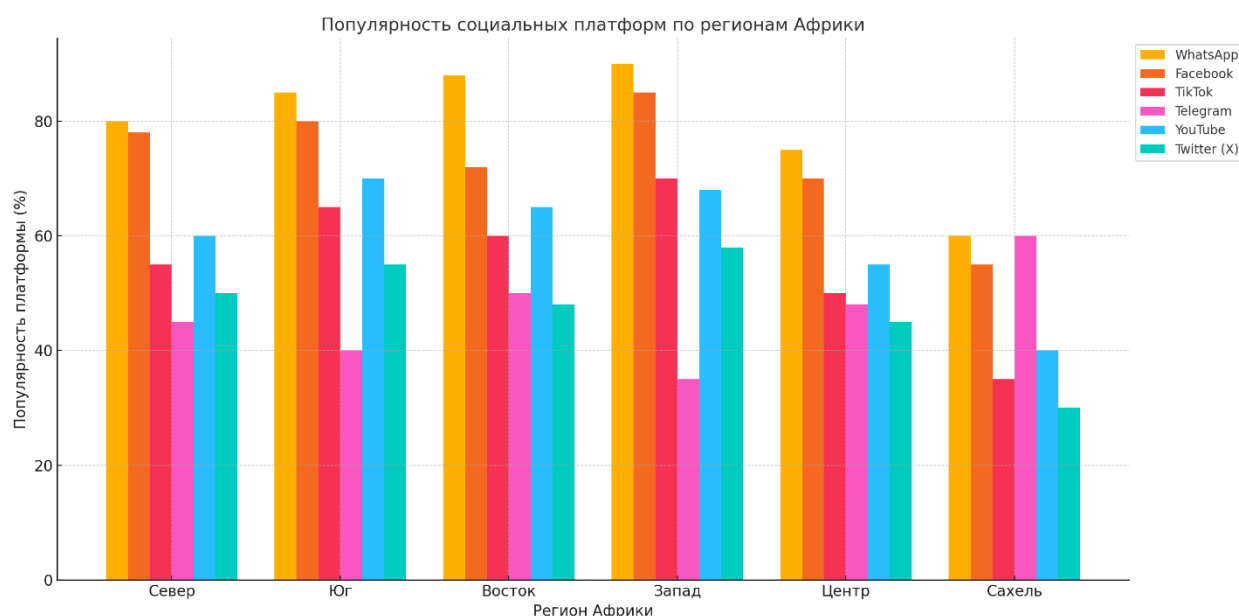

Рисунок 3. Популярность социальных платформ в Африке

- WhatsApp – является основным каналом коммуникации:
 - Самая популярная платформа во всех странах континента благодаря **низкому трафику, поддержке аудио/видео и шифрованию**.
 - Используется не только для общения, но и для:
 - Распространения новостей, слухов, религиозных проповедей, фейков.
 - Организации протестов или координации враждебных кампаний.
 - Уязвим к **организованной дезинформации** из-за закрытости и отсутствия модерации.
 - Особенно опасен в контексте психоэмоционального воздействия: массовая рассылка видео, голосовых сообщений, слухов об угрозах или репрессиях.
- Facebook – социальная платформа №1
 - На континенте действует **более 300 миллионов активных пользователей Facebook**.
 - Часто выступает как:

- замена новостному сайту — многие потребляют информацию исключительно через ленту Facebook.
- Инструмент политической мобилизации, агитации и даже радикализации.
- Facebook активно использовался в выборах (например, в Нигерии и Кении), включая кампании влияния с внешним участием (Cambridge Analytica, политические боты, дезинформация).
- Проблема локального контекста: алгоритмы не адаптированы к местным языкам и нарративам, что усиливает распространение недостоверной информации.

3. TikTok и Instagram – эмоциональное воздействие и визуальное psyops:

- Быстрорастущий охват среди молодежи в мегаполисах и пригородах (особенно в Нигерии, ЮАР, Египте).
- Видеоформат TikTok идеально подходит для упрощенных нарративов, политического стёба, мемов, антиистеблишментного контента.
- Используется для:
 - Создания вирусных клипов с эмоциональным или паническим посылом.
 - Продвижения образов "героев", "мучеников", "врагов".
 - Внедрения внешне продюсированных роликов, замаскированных под локальные.

Таблица 1. Уязвимость к psyops в Африке

Платформа	Тип уязвимости	Целевая аудитория	Уровень уязвимости
WhatsApp	Закрытые группы, неконтролируемое распространение слухов	Сельские и городские жители всех возрастов	5
Facebook	Манипуляция алгоритмами, политические боты, слабая модерация	Широкая публика, преимущественно 18 лет	4
TikTok	Вирусное видео, эмоциональный контент, монетизация	Городская молодежь, школьники и студенты	4
Telegram	Анонимные каналы, координация компаний, политическое таргетирование	Политически вовлеченные активисты, элиты	5
Instagram	Влияние через визуальные нарративы и «лайфстайл» пропаганду	Женская и молодежная аудитория	3
Youtube	Псевдодокументалистика, интервью, визуальное сопровождение нарратива	Средний класс, активные граждане, религиозные лидеры	3
Twitter (X)	Мнение элит, вбросы инсайдов, дезинформация в виде «экспертных оценок»	Журналисты, дипломаты, медиаэлита	4

4. Telegram – площадка для координации и полузакрытого влияния

- Telegram активно используется как средство обхода цензуры и анонимного распространения информации.
- Особенно важен в странах с авторитарными режимами или в конфликтных зонах (Эфиопия, Судан, Мали).
- Позволяет запускать:
 - Psyops-каналы (анонимные паблики, якобы «внутренние источники»).

- **Сетевые операции влияния** с внешним управлением.
- Telegram активно интегрируется в стратегии информационных операций наряду с Tiktok и Facebook — но с упором на элитные, политически вовлеченные группы.

5. Youtube и Twitter (X) – платформы нарративов и мнений

- YouTube — второй по популярности ресурс в ряде стран после WhatsApp.
 - Используется для распространения **пропагандистских роликов, псевдодокументалок, выступлений лидеров мнений.**
- Twitter (X) — менее массов, но популярен в среде **журналистов, активистов, дипломатов.**
 - Часто используется как канал **первичной «утечки» нарратива**, который затем масштабируется через другие сети.

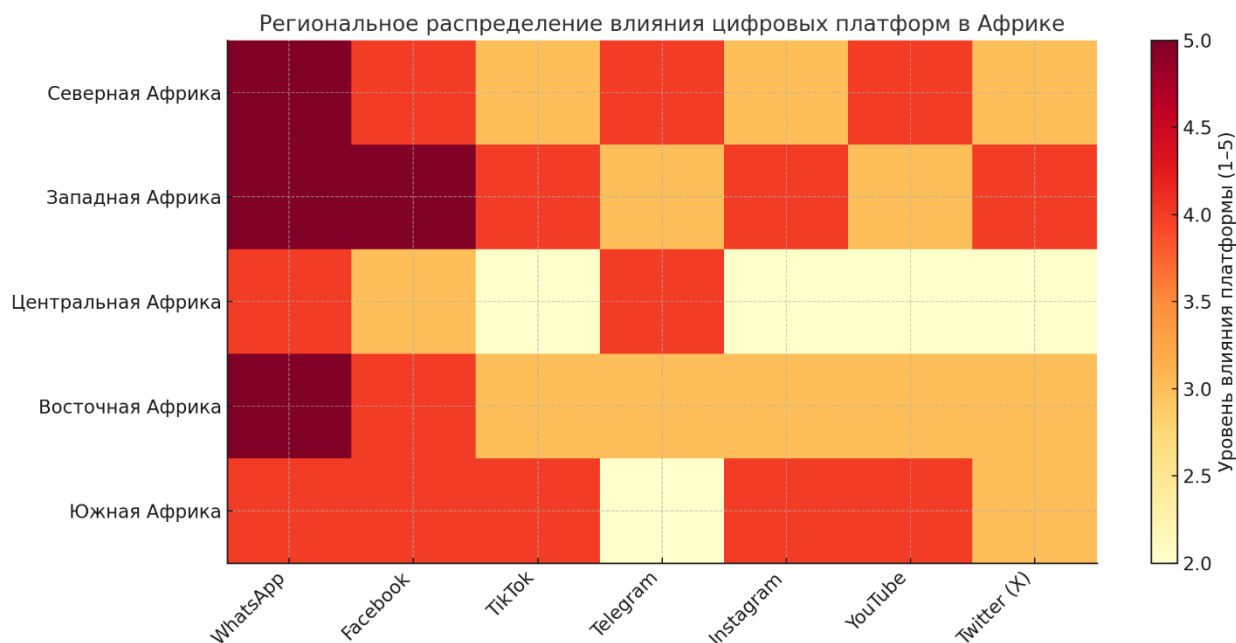

Рисунок 4. Региональное распределение влияния цифровых платформ

Африканское цифровое пространство становится ареной **асимметричных информационных операций**, где **соцсети и мессенджеры замещают классические СМИ**. Закрытость, низкий уровень медиаграмотности и высокая вовлеченность делают их идеальными платформами для psyops: от вбросов паники до подрыва доверия к правительству, западным структурам или международным организациям. Управление нарративами на этих платформах уже не требует физического присутствия на континенте — достаточно бот-сетей, культурной адаптации контента и точечного таргетинга.

3.3. Структура владения СМИ

Контроль над СМИ в Африке во многом определяет, чья информационная повестка формирует общественное сознание. Разделение на государственные, частные и внешне управляемые медиаресурсы показывает сложный баланс между внутренним управлением, корпоративными интересами и внешнеполитическим влиянием.

Государственные СМИ в Африке: инструменты контроля и точки уязвимости

Государственные медиа в Африке традиционно выполняют **двойственную роль**: с одной стороны, они служат инструментом **утверждения легитимности власти**, с другой — становятся

мишенью и проводником внешнего давления через механизмы манипуляции, коррумпирования или технологического вмешательства.

Преимущества	Недостатки
Централизация повестки - Позволяют политическим лидерам монопольно формировать нарратив, задавать фрейминг событий, выбор языка и эмоционального тона новостей. - Эффективно работают в условиях низкой медиаграмотности: официальное = правдивое.	Потеря доверия среди городских и молодежных слоев - Молодые, образованные, городские жители все чаще воспринимают госСМИ как "рупор пропаганды", переходя в цифровые пространства. - Это формирует информационные разрывы между поколениями и регионами.
Контроль кризисных ситуаций В условиях протестов, эпидемий, вооруженных конфликтов государственные СМИ обеспечивают "один голос власти", нейтрализуя панику или подрыв доверия.	Уязвимость к внешнему воздействию - внедрение агентов влияния в редакции, - взлом, утечку или замену трансляций, - финансирование «партнерских» программ со стороны иностранных структур.
Доступ к глубинным слоям общества Через радиостанции и ТВ в национальных и локальных языках государство может достигать до малограмотных, сельских, религиозно ориентированных аудиторий.	Зависимость от инфраструктурных подрядчиков Многие государственные медиасистемы зависят от иностранных технологических подрядчиков (Huawei, Thomson, etc.) — это создает "скрытые ворота" для вмешательства.
Легитимизация действий государства Государственные медиа активно используются для обоснования репрессий, военных операций, чрезвычайных положений как "реакции на угрозу", в том числе формируемую извне.	Редакционная стагнация и отсутствие доверия Из-за чрезмерной политической лояльности редакции часто теряют профессиональные кадры, скатываются к одностороннему освещению, что делает их менее конкурентоспособными даже внутри страны.
Экономическая устойчивость - Финансируются из бюджета, освобождены от рыночной конкуренции. - Чаще всего — единственный источник новостей в бедных регионах.	Объект внутреннего саботажа В случае смены власти или дестабилизации режима госСМИ становятся, либо объектом рейдерства, либо источником утечек и "информационных диверсий" — особенно, если в их структуре работают оффшорно финансируемые сотрудники.

Государственные СМИ — это одновременно **щит и ахиллесова пята** политических режимов в Африке. Они играют важную роль в управлении населением и подавлении оппозиции, но становятся уязвимыми в условиях цифровой конкуренции, внешнего технологического вмешательства и утраты доверия среди ключевых групп. Это делает их ключевыми целями как для **внешних операций влияния**, так и для **внутренних информационных конфликтов**.

Например:

NTA (Нигерия) — низкий уровень доверия, политическая ангажированность

ETV (Эфиопия) — этнополитическая поляризация, зависимость от властей

SABC (ЮАР) — финансовая нестабильность, давление со стороны оппозиции, влияние ANC

KBC (Кения) — редакционная стагнация, утрата аудитории в городах

RTNC (ДР Конго) — недофинансирование, техническая зависимость от Франции

Частные СМИ в Африке: роль, возможности и уязвимости для политических режимов

Частные медиаструктуры в африканском контексте часто **не являются нейтральными акторами**, а выступают как экономическое продолжение политических элит или как оппозиционные инструменты давления на власть, особенно в странах с относительной свободой слова. Они охватывают телевизионные станции, печатные издания, онлайн-платформы, радио, цифровые агентства. Ими являются: бизнесмены, бывшие/действующие политики, зарубежные партнеры.

Преимущества	Недостатки
Создание видимости плюрализма - Частные медиа используются для имитации свободы слова в глазах международного сообщества. - Это особенно важно для стран, ориентированных на западную помощь или кредитование, где требуется соблюдение «демократических» процедур.	Переход под контроль оппозиции Частные СМИ могут сменить владельца или редакционную политику и превратиться в мощный оппозиционный рупор, особенно в условиях предвыборных кризисов или протестов.
Косвенное управление повесткой - Власть может не контролировать СМИ напрямую, но через экономические или юридические инструменты диктовать редакционную политику - Пример: владелец телеканала — союзник президента, формально канал независим, но редакционная линия синхронизирована с правительством.	Влияние иностранных акционеров и доноров - Даже формально «локальные» СМИ могут финансироваться через международные НПО или бизнес-структуры, продвигая внешние нарративы. - Это создает окно для внешних psyops под видом «независимой журналистики»
Использование в межэлитных конфликтах - Частные каналы могут быть инструментом медийной атаки на оппозиционеров, бизнес-конкурентов, неподконтрольные военные структуры - Они также служат для «сливов» компромата, спинов, манипуляций в предвыборных кампаниях	Риски утечки информации Частные каналы могут стать площадкой для «сливов», утечек внутренних документов, свидетельств коррупции или злоупотреблений режима
Гибкость и маневренность В отличие от государственных СМИ, частные быстрее адаптируются под актуальные инфоповоды, могут запускать «атаки» без формальных следов причастности власти	Сложность тотального контроля В условиях цифровизации и онлайн-форматов власти трудно установить прямой контроль — каналы легко регистрируются в офшоре, распространяются через соцсети, публикуют через блог-платформы

Кения: медиарынок контролируется двумя группами (Nation Media Group и Standard Media), обе исторически связаны с политическими династиями. Во время выборов они часто обслуживают интересы разных кланов.

Гана: частные радиостанции используются для политических ток-шоу, критики власти, но легко блокируются через запрет лицензии или налоговые претензии.

ЮАР: несмотря на развитую демократию, крупные частные телеканалы (eNCA, Newzroom Afrika) подвергаются давлению через рекламные бюджеты и судебные угрозы.

Нигерия: частные телеканалы и новостные порталы формируют большую часть повестки, но с высоким уровнем политической поляризации и рисками насилия против журналистов.

Для политических режимов в Африке частные СМИ — это **двуострый инструмент**. С одной стороны, они дают гибкость, имитацию открытости и возможность влиять на повестку без прямой цензуры. С другой — несут риски утраты контроля, утечек и внешнего вмешательства. В условиях роста цифровой дезинформации, частные медиа становятся как оружием, так и ахиллесовой пятой для африканских властей.

Международные вещатели и внешнее присутствие: двойной контур влияния

Международные медиа — это одновременно **инструменты внешней мягкой силы (soft power)** и **точки давления на внутренние политические процессы**. Их влияние на Африку — системное, долговременное и охватывает как информационную политику, так и массовое сознание.

Преимущества	Недостатки
Поддержка альтернативного нарратива международные вещатели могут поддерживать правящий режим, если их геополитические интересы совпадают	Утечка повестки из-под контроля международные каналы — это внешние центры влияния, не подотчётные африканским властям
Инфраструктурная помощь транснациональные медиа часто вкладываются в студии, обучение	Информационная асимметрия передача информации без учета локального контекста может спровоцировать

кадров, локальные франшизы, что может быть выгодно элитам	недовольство, несанкционированные протесты или подрыв авторитета властей
Легитимизация режима на международной арене через интервью, трансляции форумов, эксклюзивы. Особенно важны для стран, находящихся под санкциями (пример — Эритрея, Зимбабве)	Формирование параллельной реальности население, особенно образованная молодежь и диаспора, ориентируется не на госСМИ, а на BBC, France 24, Al Jazeera — что разрывает коммуникационную вертикаль режима
Мягкая цензура и нейтрализация критики при дружественном отношении международные медиа игнорируют репрессии или коррупционные скандалы, помогая режиму сохранять имидж	Конфликты между международными вещателями конкуренция между западными, российскими и китайскими нарративами радикализирует информационное поле — элитам сложно лавировать между давлениями

Таблица 2. Аналитический рейтинг по уровню вмешательства

	France 24	BBC	CGTN	Al Jazeera
Уровень присутствия	5	4	4	4
Инфраструктурное влияние	4	3	5	3
Политическая ангажированность	4	4	5	4
Влияние на ЦА	5	4	3	4
Оценка угрозы psyops	3	4	2	4
Всего	21	19	19	19

Международные вещатели в Африке — это **двустороннее оружие**: они могут **поддержать режим, но так же легко его подорвать**, если политический вектор изменится. Для внешних игроков они — канал влияния и рычаг давления, для африканских режимов — и ресурс, и угроза. В условиях слабых институтов и зависимости от иностранной помощи контроль над медиаполем становится вопросом выживания.

Гибридные формы владения и аффилированные медиа

Гибридные СМИ — это **формально независимые или "гражданские" медиа**, которые на деле **финансируются, координируются или направляются извне**, часто через **грантовую поддержку, образовательные программы или сотрудничество с международными структурами**.

Они позиционируются как:

- платформы для "свободной журналистики";
- проекты по «повышению медиаграмотности»;
- инициативы по борьбе с дезинформацией;
- независимые новостные порталы и паблики.

Однако в действительности:

- повестка часто выстраивается **в интересах донора**;
- наблюдается **асимметрия в освещении событий** — с уклоном в сторону демократической или западной идеологии;

- существует **фактический контроль через фандрайзинг и редакционные условия грантов.**

Таблица 3. Ключевые игроки и платформы

USAID	BBC Media Action, Internews	• онлайн-издания, YouTube-каналы, Telegram-паблики; • локальные радиостанции при НПО; • молодёжные медиацентры при университетах; • обучающие «школы журналистики», финансируемые ЕС/США
NED	BBC Media Action, Internews	
Deutsche Welle Akademie	DW Akademie	
Fondation Hirondelle	BBC Media Action, Internews	
Open Society Foundation	BBC Media Action, Internews	

Преимущества	Недостатки
Внешняя легитимация • Режим может демонстрировать «открытость» и «свободу прессы» для международных структур, сохраняя фактический контроль.	Утечка информационного суверенитета • Контент, повестка и смысловые рамки формируются извне. Это делает режим зависимым от идеологических и политических трендов Запада.
Канал мягкого влияния на молодёжь и НПО • Использование "независимых" медиа для аккуратной трансляции проправительственных или умеренных нарративов	Формирование "альтернативного гражданского общества" • Эти медиа часто становятся платформами для легкой критики власти, мобилизации молодежи и НКО
Имитация политической конкуренции • Наличие гибридных СМИ позволяет не допускать реальной оппозиции, при этом создавая видимость плюрализма	Информационный подрыв через embedded-журналистику • Под видом "документального расследования" могут проводиться координированные psyops — например, разоблачения, вбросы компромата, эмоциональные кампании
Возможность косвенного контроля через кооптацию • Режимы могут создавать псевдонезависимые проекты, зарегистрированные как НКО или стартапы, управляемые через посредников.	Медийные центры как hubs для оппозиции • Такие проекты легко становятся прикрытием для сетей активистов, организаторов протестов и цифровых агитаторов.
x	Парадокс контроля • Режимы, попытавшиеся взять под контроль гибридные медиа, часто сталкиваются с международной реакцией — обвинениями в "наступлении на свободу прессы"

Гибридные и аффилированные медиа — это **информационные хабы двойного назначения**. С одной стороны, они дают режимам **пространство для маневра** между жесткой цензурой и международной риторикой. С другой — становятся **входной точкой для внешнего влияния**, в том числе под прикрытием демократизации, медиаграмотности и борьбы с фейками. Для внешних игроков это **наиболее удобный формат внедрения в медиополе без прямого конфликта с государством**.

Пример проектов:

HumAngle, Premium Times (гранты MacArthur, NED)

PesaCheck, Africa Uncensored (Internews, DW Akademie)

Studio Tamani (Fondation Hirondelle, до 2022)

KFM Radio, Observer (официально независимы, связаны с правящей партией)

Ndeke Luka Radio (Hirondelle + координация с миссией ООН)

Le Faso.net (позиционируется как независимый, но используется junta для контроля)

Daily Maverick, GroundUp (частично донорское софинансирование, западная повестка)

Структура владения СМИ в Африке формирует крайне неоднородное и уязвимое информационное пространство. Государственные медиа остаются ключевыми в ряде стран, однако они преимущественно служат интересам правящих режимов, ограничивая плюрализм и усиливая контроль над повесткой. Частные медиа в большинстве случаев аффилированы с политико-экономическими элитами, что делает их зависимыми от внутривнутриполитических раскладов и лишает реальной независимости. Одновременно активно действуют международные медиаструктуры, такие как BBC, France 24, RT и CGTN, формируя устойчивые сегменты внешнего влияния, часто под видом нейтрального вещания. Особую роль играют гибридные и аффилированные медиа, создаваемые через донорскую помощь и внешние проекты. Формально независимые, они становятся каналами проникновения нарративов извне, в том числе в рамках мягкой силы, идеологического сопровождения реформ, и зачастую — скрытых информационных операций. Для правящих режимов такие медиа одновременно представляют удобный способ имитации плюрализма и потенциальную угрозу потери контроля над информационной архитектурой. Сложившаяся система делает африканские государства особенно восприимчивыми к целенаправленным внешним рсуорпс и конкуренции смыслов на медиаплатформах.

3.4. Проблемы и уязвимости

Африканское информационное пространство уязвимо **на всех уровнях — от пользователя до платформы**. Низкая медиаграмотность, политизация, инфраструктурная зависимость и культурная фрагментированность создают благоприятную среду для внешних влияний, особенно в форме мягкой силы и когнитивного воздействия. Эти слабости позволяют организовывать информационные и психологические операции высокой плотности и точности, часто без физического присутствия на территории. Для внешних игроков — это уникальная возможность влиять на политические процессы, общественные настроения и даже поведение целевых аудиторий, обходя классические каналы дипломатии и военного давления.

Рисунок 5. Пирамида уязвимостей

№/п	Наименование	Описание	Проблема
1	Низкая медиаграмотность населения	В большинстве стран Африки уровень медиаграмотности крайне низок , особенно в сельской местности	• неспособность отличить факт от мнения или пропаганды; • доверие к авторитету, а не к источнику; • высокая восприимчивость к фейкам, слухам, псевдонаучному и религиозному контенту.
2	Недоверие к официальным источникам	Вследствие колониального наследия, авторитарных режимов и коррупции, во многих странах наблюдается высокий уровень общественного скепсиса к государственным СМИ и институциям.	• повышенному доверию к альтернативным источникам (религиозные лидеры, соцсети, уличные ораторы); • усиленной популярности антисистемных нарративов; • зависимости от внешних медиаструктур, воспринимаемых как более "объективные".
3	Инфраструктурная зависимость от внешних платформ	Большинство цифровых коммуникаций в Африке осуществляется через глобальные платформы : Facebook, WhatsApp, Google, YouTube, TikTok, Telegram.	• отсутствие локального контроля над алгоритмами, модерацией, механизмами блокировки; • возможность использования платформ для иностраных информационных операций без риска для оператора; • фактическая невозможность деанонимизировать источники деструктивной информации.
4	Политизация и коррупция в секторе медиа	Независимые СМИ подвергаются давлению, репрессиям или поглощению.	• прямой контроль через назначение руководства; • редакционный подкуп и самоцензура; • использование судебных механизмов для давления на журналистов.
5	Отсутствие единой языковой и семантической среды	Континент характеризуется огромным языковым и культурным многообразием — от арабского на севере до более 500 этнических языков в Нигерии.	• сложности в централизованной коммуникации; • легкость манипуляции контентом в зависимости от культурного кода; • неспособность выстроить единый медиарезистентный щит на национальном или региональном уровне.
6	Слабость регуляторных и правовых механизмов	Большинство стран либо не имеют законов о дезинформации , либо используют их как инструмент политической цензуры .	• полноценные центры мониторинга медиарынка; • механизмы аудита цифровых алгоритмов; • независимые медиаомбудсмены.

3.5. Выводы по разделу

Медиапространство Африки формируется на стыке стремительной цифровизации и глубинных структурных уязвимостей. Несмотря на рост проникновения мобильного интернета и активное использование цифровых платформ, медиасреда остаётся фрагментированной, политически зависимой и подверженной внешнему влиянию. Радио сохраняет наибольший охват, особенно в сельских районах, в то время как телевидение и онлайн-СМИ постепенно укрепляют свои позиции в городских агломерациях. Однако рост цифрового присутствия сопровождается слабой медиаграмотностью и отсутствием устойчивых механизмов фильтрации контента, что открывает двери для когнитивных искажающих воздействий.

Социальные сети и мессенджеры становятся ключевыми каналами информационного обмена, вытесняя традиционные форматы. Платформы вроде WhatsApp, Facebook и Telegram приобретают не только бытовое, но и политическое значение, превращаясь в инструменты влияния, мобилизации или манипуляции. Их закрытая архитектура, отсутствие локального регулирования и высокая эмоциональная вовлеченность пользователей делают их удобной инфраструктурой для информационно-психологических операций.

Структура владения СМИ усугубляет ситуацию: национальные государственные медиа преимущественно находятся под контролем властей и используются для транслирования официальной повестки, тогда как частные медиа часто аффилированы с политико-экономическими группами. Наряду с этим, устойчивое присутствие международных медиаструктур — BBC, France 24, CGTN, Al Jazeera — создаёт альтернативные каналы влияния, через которые продвигаются нарративы, выгодные внешним акторам. Особую нишу занимают гибридные и аффилированные медиа — формально независимые, но зависимые от грантовой поддержки или донорских условий. Для африканских режимов это одновременно способ имитировать плюрализм и риск потери управляемости над смысловой средой.

Комплекс проблем — от низкой медиаграмотности и недоверия к официальным каналам до зависимости от иностранных платформ и нормативной беспомощности — формирует континент как пространство высокой уязвимости. Эти факторы позволяют внешним игрокам выстраивать сложные архитектуры влияния, используя точки входа на технологическом, институциональном и когнитивном уровнях. Таким образом, информационное поле Африки сегодня — это не только арена внутренней конкуренции, но и стратегический вектор внешнеполитического давления, конкуренции нарративов и психологического контроля над массовым восприятием.

4. Целевая аудитория и механизмы воздействия

Эффективность информационного воздействия в Африке во многом определяется не только каналами доставки контента, но и **точечным пониманием психосоциальных характеристик целевых групп**, их потребностей, страхов, культурных кодов и ментальных уязвимостей. Иностранные акторы, проводящие psyops и стратегические коммуникации, дифференцируют аудиторию не по демографическим, а по **поведенческим, социокультурным и политико-идентификационным признакам**.

4.1. Молодежь

Молодежь (15-30 лет) это **ядро демографического и когнитивного поля Африки**, формирующее повестку будущего и при этом обладающее высокой уязвимостью к манипулятивным воздействиям.

Африка является самым молодым континентом мира: около 70% населения континента младше 30 лет. Эта возрастная группа – основной двигатель урбанизации, цифровизации, миграции и протестной активности. Также, молодежь одновременно наиболее вовлечена в цифровую культуру и экономически маргинализована – высокий уровень безработицы, неформальной занятости, недоступности образования и перспектив.

Социальный контекст	• Высокая безработица, социальная маргинализация • Урбанизация, миграция, протестный потенциал
Психологический профиль	• Идентификационный кризис: конфликт традиций и глобализма • Эмоциональная нестабильность и подверженность внушению • Стремление к самоутверждению и принадлежности
Цифровое поведение	• WhatsApp, TikTok, Facebook, Telegram, Instagram • Мемы, челленджи, шок-контент, инфлюенсеры • Низкий уровень критической фильтрации источников
Основные механизмы воздействия	• Вирусные видео и голосовые сообщения • Меметизация нарративов • Геймификация протестов • Визуальное айдол-производство (герои, мученики)
Уязвимости	• Вера в слухи и визуальные «доказательства» • Эмоциональная поляризация • Зависимость от цифровых сообществ • Быстрая мобилизация и выгорание

Молодёжь в возрасте от 15 до 30 лет на африканском континенте представляет собой демографически доминирующую и одновременно социально нестабильную группу. Это поколение выросло в условиях постколониального перехода, размытых границ между традицией и глобализмом, цифровой революции и экономической неустойчивости. Их идентичность формируется на пересечении культурных разрывов — между местными этническими нормами и западными ценностями, между религиозной ортодоксией и либеральными идеалами, между семейным долгом и индивидуальной самореализацией.

На уровне восприятия мира молодые африканцы демонстрируют высокий уровень амбиций при дефиците доступных инструментов для их реализации. Это порождает устойчивое чувство фрустрации, утрату доверия к государству, разочарование в традиционных институтах и повышенную восприимчивость к идеологиям с элементами сопротивления, «нового порядка» или антиэлитаризма. Они часто идентифицируют себя не с этнической или национальной

принадлежностью, а с медийным или культурным кодом — через музыку, моду, уличную символику, сленг или инфлюенсеров.

На поведенческом уровне молодежь тяготеет к горизонтальным сообществам и быстрым эмоциональным реакциям. Доминирует культура немедленного отклика: лайк, репост, вызов, челлендж, флешмоб. Решения принимаются под влиянием визуального или аудиального триггера, без глубокого анализа. Моральные ориентиры часто ситуативны: зло или добро определяется не этикой, а групповой реакцией, мемом или внешним образом героя/врага.

Эта аудитория чувствительна к темам несправедливости, предательства, обмана со стороны власти или международных структур. Параноидальный стиль восприятия часто уживается с наивным доверием к «альтернативной правде» — особенно если она красиво подана. Распространены установки «все лгут», «мы никому не нужны», «нас используют» — это делает молодёжь идеальной мишенью для деструктивных нарративов с героическим или мстительным мотивом.

При этом у молодых сохраняется тяга к социальному признанию, восхождению и принадлежности к чему-то «большему»: движению, идее, миссии. Это делает их одновременно уязвимыми и вовлекаемыми — при правильном фрейминге они могут стать либо силой протеста, либо целевой группой для программ влияния, внешне оформленных как «развитие», «просвещение» или «защита прав». В отсутствие устойчивых ориентиров, молодёжь действует по принципу: «кто громче, ярче, быстрее — тот и прав».

4.2. Женщины и матери в традиционных сообществах

Этот сегмент аудитории, как объекта информационно-психологических операций, крайне чувствительный, но важный и часто недооцениваемый в стратегических коммуникациях.

Женщины в сельских и малых сообществах Африки являются **центрами бытовой коммуникации, распорядителями повседневной логистики семьи, а также локальными носителями традиционных ценностей**. Они часто служат "информационными ретрансляторами", формируя взгляды не только на уровне семьи, но и на уровне общины (через собрания, церковные и мусульманские группы, рынки и колодцы).

Хотя формально они могут быть исключены из политического процесса, **их отношение к угрозе, власти и религии** влияет на поведение мужчин, детей и сообществ в целом.

Социальный контекст	• Основные хранители бытовой информации и ритуалов • Ведущая роль в семейных и локальных коммуникациях • Ограниченный доступ к формальному образованию и СМИ
Психологический профиль	• Высокая чувствительность к темам здоровья детей, безопасности • Вера в авторитеты: религия, старейшины, целители • Склонность к доверительным формам передачи информации
Цифровое поведение	• WhatsApp, голосовые сообщения, радио • Женские группы, религиозные собрания, корпоративы • Механизмы «устной прессы» и слуховой культуры
Основные механизмы воздействия	• Апелляция к страхам, болезни, похищения, нищета • Использование религиозной риторики и моральных образов

	• Распространение слухов через доверительные аудиосообщения • Призывы к защите семьи, морали, детей
Уязвимости	• Недоверие к государственным структурам и науке • Восприимчивость к религиозным/ традиционным манипуляциям • Ограниченный доступ к проверенной информации • Высокая эмоциональная вовлеченность

Женщины и матери в традиционных сообществах — это **медленно реагирующая, но глубоко восприимчивая аудитория**, способная стать как стабилизирующим, так и разрушительным фактором. Внешние акторы используют их не как прямую силу, а как **инфраструктуру легитимации и распространения слухов, тревоги и морального давления**. В контексте psyops они — ключевые носители и трансляторы глубинных нарративов, влияющих на поведение семей, сообществ и целых регионов.

4.3 Военные и полицейские

Силовые структуры являются **фундаментом режима и гарантом политической стабильности**. Именно они первыми реагируют на протесты, перевороты, кризисы, а также принимают решения о лояльности в ключевые моменты. Для внешних акторов **деморализация, раскол или перенаправление мотивации военных и полиции** — один из наиболее эффективных и чувствительных векторов воздействия.

Социальный контекст	• Ключевые акторы в обеспечении внутреннего порядка и защиты режимов • Часто плохо оплачиваются, ощущают отрыв от элит • Могут быть инструментом как у власти, так и у оппозиции
Психологический профиль	• Повышенная восприимчивость к деморализации • Лояльность зависит от ощущения справедливости и лидерству • Высокая чувствительность к внутренней иерархии и авторитету
Цифровое поведение	• WhatsApp, Telegram, закрытые группы, офицерские каналы • Видеоконтент на YouTube • Циркуляция «инсайдов» и слухов через свои сообщества
Основные механизмы воздействия	• Деморализация через компромат, утечки, нарративы «предательства сверху» • Мобилизация через «воинскую честь» или образ национального спасителя • Слухи о переворотах, нелегитимности командования
Уязвимости	• Профессиональное выгорание, травмы, стресс • Недоверие к правящим элитам и гражданским структурам • Изолированность от гражданского инфополя • Возможность использования как силового инструмента в чужих интересах

Военные и полицейские структуры на африканском континенте являются не только опорой режимов, но и уязвимой мишенью для информационно-психологических операций. Их ключевая особенность — высокая степень иерархичности при одновременной внутренней фрагментации, связанной с социальным происхождением, региональной идентичностью и различием в доступе к информации. Информационное воздействие на силовиков ведется как через горизонтальные каналы внутри групп (WhatsApp, закрытые форумы), так и через вертикальные — видеообращения, анонимные Telegram-источники, религиозно-патриотическую риторику.

Эффективность таких воздействий усиливается благодаря существующим противоречиям между низшим и высшим офицерским составом, общей деморализацией, коррупцией в командовании и отсутствием доверия к политическому руководству. Воздействие часто строится на эмоциональной перегрузке: страх, предательство, брошенность, манипуляция символами героизма и справедливости. В условиях кризиса эти меседжи способны инициировать цепные реакции — отказ от подчинения, саботаж, открытые заявления о нелояльности, а в предельной точке — поддержку или организацию переворотов.

Таким образом, военные и полиция представляют собой одновременно и защитный ресурс государства, и точку входа для подрыва его устойчивости. Информационные операции, ориентированные на эту аудиторию, не требуют масштабных кампаний — достаточно точечной, реплицируемой деморализации, чтобы дестабилизировать силовой каркас государства.

4.4. Городская беднота и неформальные группы

Эта аудитория — одна из **наиболее уязвимых и при этом — наименее регулируемых** в рамках городских систем, что делает её привлекательной целью для внешних акторов, стремящихся к дестабилизации или "массовому давлению снизу".

Социальный контекст	- Жители трущоб, рынков, неформальных районов мегаполисов - Часто безработные или занятые в сером секторе экономики - Участвуют в протестах, бунтах, уличной мобилизации
Психологический профиль	- Высокая фрустрация и агрессия по отношению к власти - Склонность к спонтанным действиям, влиянию харизматиков - Интерес к быстрым материальным выгодам и обещаниям
Цифровое поведение	- WhatsApp, уличные слухи, рэп и разговорные форматы - Зависимость от устных источников и медиа на дешевых телефонах - Перекрестное потребление контента онлайн и офлайн
Основные механизмы воздействия	- Распространение слухов о «раздачах», «провокациях», «изменах» - Призывы к действию через мессенджеры и уличных агитаторов - Использование видеофайлов с насилием или «позором власти» - Визуальные маркеры протеста (маски, знаки, флешмобы)
Уязвимости	- Правовой нигилизм, эмоциональная импульсивность - Уязвимость к обещаниям или угрозам - Отсутствие альтернативных источников информации - Легкость включения в уличную мобилизацию через символы и слухи

4.5. Элита, чиновники и журналисты

В эту категорию входят высшие и средние государственные чиновники, сотрудники министерств, советники, местные управленцы, политики, дипломаты, партийные деятели, эксперты академики, лидеры мнений в профессиональных сообществах, редакторы, журналисты, медианалитики, представители силовых и экономических элит.

Социальный контекст	• Представители политической, административной и интеллектуальной элиты • Участвуют в формировании политики, законов, внешней коммуникации • Влияют на принятие решений и международное позиционирование
Психологический профиль	• Ориентированы на престиж, статус, внешнее признание • Чувствительны к репутационному фону и экспертному мнению • Склонны к рационализации и символическому мышлению
Цифровое поведение	• Twitter (X), Telegram, специализированные медиа и отчеты • Конференции, аналитические платформы, международные обзоры • Чтение официальных докладов, работа с утечками, инсайдами
Основные механизмы воздействия	• Вбросы через «аналитику», «отчеты», «утечки» с видимостью экспертности • Репутационные атаки, кампании очернения, фальшивые письма/досье • Внешнее давление через санкционные списки, рейтинги, расследования • Манипуляции в дипломатических и медийных структурах
Уязвимости	• Желание быть в «глобальном контексте», принадлежать к западному классу • Зависимость от внешнего финансирования, консультаций, поездок • Подверженность репутационным рискам и страх утраты легитимности • Недоверие к внутренним источникам, ориентация на внешние сигналы

Элиты, чиновники и журналисты в африканских странах представляют собой стратегическую целевую группу для внешнего информационного влияния. Несмотря на сравнительно небольшой численный охват, эта аудитория оказывает решающее воздействие на формирование повестки, институциональные реакции и международную репутацию государств. Их вовлеченность в глобальные коммуникационные и экспертные сети, ориентация на внешнюю легитимацию и зависимость от международных партнерств делают их особенно восприимчивыми к смысловому и нарративному влиянию извне.

Механизмы воздействия строятся как на открытом информационном давлении — через публикации, утечки, аналитические вбросы, — так и на более тонких инструментах: приглашениях к участию в экспертных сетях, предоставлении платформ, включении в международные повестки. Элиты подвержены влиянию через симуляцию инсайдов, формирование псевдорационального выбора и прямое репутационное давление. Их уязвимость усиливается политической

фрагментацией, карьерной зависимостью от внешнего финансирования и разрывом между локальной идентичностью и глобалистскими устремлениями.

Внешние акторы не просто транслируют информацию — они выстраивают конкурентную инфраструктуру легитимности, в которой элиты начинают принимать решения, опираясь не на внутреннюю логику и интересы, а на внешние критерии признания. Это делает данную группу не только объектом давления, но и посредником распространения внешних нарративов внутри политических, медийных и экспертных институтов.

5. Основные тенденции развития psyops в Африке

1. Переход от массовых к микротаргетированным операциям

Традиционные методы широковещательной пропаганды уступают место **точечным, сегментированным операциям**, нацеленным на узкие социальные, этнические, возрастные или профессиональные группы. Используются поведенческие данные, локальные языки, ментальные модели и культурные коды, что позволяет делать воздействия незаметными и более органичными. Пример — работа через закрытые WhatsApp-группы для матерей в Нигерии или Telegram-каналы для военных в Мали.

2. Усиление роли визуально-эмоционального контента

Картинки, короткие видео, мемы, фан-арт, TikTok-ролики вытесняют традиционные формы агитации. В условиях низкой медиаграмотности и устной культуры восприятия, визуальные форматы стали **главным инструментом когнитивного заражения**, легко запуская страх, ненависть, мобилизацию или отчуждение. Переход к «психологическим клипам» делает psyops неузнаваемыми в форме — но эффективными по последствиям.

3. Рост числа нелинейных и асимметричных операторов

Помимо классических государственных акторов (США, Китай, Франция, Великобритания), на континенте активизируются **непрямые операторы**: политико-коммерческие группы, религиозные сети, ЧВК, псевдоНПО, продюсерские медиафабрики. Они действуют анонимно, распределенно и зачастую через прокси. Их отличие — в отказе от официального присутствия и склонности к «гибридному воздействию»: одновременно культурному, информационному, психологическому.

4. Институционализация информационного давления через “мягкие каналы”

Psyops сегодня внедряются не только через медиа и соцсети, но и через **образование, культуру, язык, экспертные сообщества, гражданские проекты**. Институты типа British Council, Confucius Institutes, Goethe-Institut, а также медиашколы, академии, «штабы медиаграмотности» становятся каналами **долгосрочной нормализации нужных ценностей и смыслов**. Это делает воздействие менее заметным, но системным и стойким.

5. Эксплуатация кризисных моментов и институциональных вакуумов

Кризисы (выборы, конфликты, этнические столкновения, восстания, пандемии) становятся **точками входа для масштабных кампаний**, нацеленных на делегитимацию власти, мобилизацию недовольных и расшатывание государственной вертикали. Используются элементы паники, недоверия, обвинений в "предательстве интересов народа", при этом контент распространяется от имени "народа", "воина", "матери", "пастора". В такой структуре неважно, кто говорит — важно, что эмоция подавлена в рациональное восприятие.

6. Интеграция ИИ, алгоритмического таргетинга и поведенческого анализа

Продвинутые игроки (в первую очередь западные и китайские структуры) начинают использовать **нейросетевые модели прогнозирования поведения, поведенческую аналитику и алгоритмический индивидуальный таргетинг**. Это превращает африканское население в объекты машинно-оптимизированных psyops, в которых каждое сообщение, картинка или видео персонализировано и эмпирически проверено на реакцию.

7. Развитие “обратных” psyops — под прикрытием сопротивления

Все чаще появляются кейсы, когда внешнее влияние **маскируется под внутреннюю “антисистемную” активность**, якобы направленную на борьбу с империализмом, колониализмом

или диктатурой. Так создаются иллюзии органичного движения, которое на самом деле направляется извне. Пример: сети медиаактивистов, продвигающих антифранцузскую повестку в Сахеле, одновременно воспроизводят нарративы и визуальный стиль прокси-групп, аффилированных с российскими, турецкими или иранскими интересами.

5.1. Стратегический прогноз: развитие psyops в Африке на горизонте 2025–2030

1. Рост конкурентной плотности в информационном поле

Континент станет ареной **фронтального столкновения медиамodelей внешних акторов**: западной (демократическая нормативность + коммерциализация), китайской (инфраструктурная интеграция + цензурная стабильность) и "альтернативной" евразийской (нарративно-символическое доминирование, ориентированное на антизападную мобилизацию). Количество параллельных, конфликтующих нарративов возрастет, создавая эффект "медийной сегрегации" внутри стран — когда одна часть населения живет в западном инфопространстве, а другая — в антиколониальном или прорелигиозном.

2. Институционализация информационного суверенитета

На фоне роста осведомлённости об уязвимости, африканские государства начнут **создавать собственные центры стратегических коммуникаций**, агентства по медиаграмотности и аналитические подразделения при силовых структурах. Однако в условиях нехватки кадров и технологий, многие из этих институтов будут **скрытно консультироваться или зависеть от внешних операторов** — например, Франции, Китая или международных НПО.

3. Гибридизация медиа и спецопераций

Размывание границы между информационной кампанией и covert action усилится. Мы увидим рост числа **операций, которые сочетают информационное воздействие, политическое давление, экономическое влияние и социальную инженерную работу**. Эти кампании будут запускаться в преддверии выборов, смены элит, международных соглашений и миротворческих миссий. Африка станет полигоном для отработки новых форм "умного воздействия" — от поддельных экспертных форумов до симулированных социальных движений в TikTok и Telegram.

4. Технологическое усложнение операций

В ближайшие годы ключевые игроки (в первую очередь США, КНР и Великобритания) начнут использовать в Африке **ИИ-усиленные инструменты влияния**:

- автоматизированные платформы создания контента на местных языках;
- deepfake-видео в политических и религиозных нарративах;
- AI-мониторинг и прогнозирование общественных настроений на основе соцмедиа;
- геопривязанный контент для точечной сегментации внутри городов и этнических групп.

5. Рост числа «черных» и неотслеживаемых операций

Операторы все чаще будут использовать **фиктивные структуры, прокси-аккаунты, автономные медиаформаты**, которые невозможно привязать к государству или конкретной силе. Это создаст ситуацию "информационного запираания": общество будет дезориентировано, а режимы не смогут точно идентифицировать источник атаки. Угроза репутационного и управленческого разрушения вырастет, особенно в государствах с неустойчивыми политическими режимами.

6. Расслоение и радикализация целевых аудиторий

Информационные операции станут более направленными: на молодежь — с культурным и визуальным воздействием; на военных — с деморализующими сценариями; на женщин — с эмоциональными нарративами безопасности. Это приведет к **усилению внутриобщественного напряжения**, конфликту поколений, классов, идентичностей. Некоторые аудитории могут быть радикализованы до уровня активного сопротивления или насильственных действий.

7. Перемещение центра gravity — от столиц к периферии

Технологическая доступность и распространение дешевых смартфонов, спутникового интернета и автономных мессенджеров приведут к тому, что **операции сместятся в малые города, деревни, племенные зоны**, где сопротивление слабее, а контроль государства минимален. Это делает кризисы менее предсказуемыми и более внезапными.

Общая оценка:

К 2030 году Африка станет **полноценным театром когнитивной конкуренции**, где борьба за умы населения будет вестись не только между внешними державами, но и между различными концепциями будущего: от технократической модернизации до неотрадиционалистских моделей идентичности. Информационно-психологические операции станут системным и неизбежным элементом политического и экономического ландшафта континента.

Таблица 4. Прогноз развития psyops в Африке на 2025-2030

Год	Ключевой тренд	Основные риски	Вовлеченные акторы
2025	Рост точечных psyops через мессенджеры и инфлюенсеров	Подрыв общественного доверия, мобилизация через фейки, протесты	Турция, Китай, США, Великобритания, Франция, негосударственные сети
2026	Институализация контрмер и создание агентств по стратегическим коммуникациям	Политизация контрмер, инструментализация против оппозиции	ЕС, ЮНЕСКО, Китай, Африканский союз
2027	ИИ-усиленные кампании	Невозможность распознавания атак, рост паники и когнитивной перегрузки	США, Великобритания, Китай, частные подрядчики
2028	Гибридизация информационных и дипломатических операций	Размывание границ между мирной политикой и covert action	Франция, Саудовская Аравия, региональные политгруппы
2029 — 2030	Фрагментация аудитории и радикализация на этническом и религиозном уровне	Социальная дестабилизация, рост насилия, кризис идентичности	Все крупные державы + локальные сетевые игроки

6. Потенциальные точки эскалации и изменения расстановки сил

Сценарий	Игрок	Инструменты	Регион
Эскалация в Сахеле	Турция, Саудовская Аравия, Китай, частные прокси	Радио, TikTok, Telegram, культурные нарративы	Мали, Буркино-Фасо, Нигер
Psyops на выборах 2025-2026	США, Великобритания, Китай, локальные штабы	ИИ-контент, дипфейки, Telegram-сети, псевдоаналитика	ЮАР, Нигерия, Гана, Эфиопия
Англо-французская конкуренция	Франция, Великобритания, США	BBC, France 24, экспертные каналы, панельные дискуссии	Камерун, Сенегал, Бенин, Кот-д'Ивуар
Религиозное противостояние	Турция, Иран, Саудовская Аравия	Проповеди, Youtube, WhatsApp, НКО	Судан, Нигерия, Чад, Эфиопия
Гибридные гуманитарные операции	ЕС, Китай, международные НКО	Медицина, климатическая повестка, обучающие кампании	ЦАР, Конго, Судан, Сомали, регион озера Чад
Медиаперевороты через элиты	Западные фонды, дипломатические сети, медиа-альянсы	Инсайды, утечки, репутационные атаки, параллельные медиа	Сенегал, Руанда, Уганда, Гвинея-Бисау

1. Радикальное смещение баланса влияния в Сахеле

Уход Франции из Мали, Буркина-Фасо и Нигера, а также рост антизападных нарративов создают **вакуум информационной легитимности**, который уже заняли альтернативные игроки — Турция, Иран, Китай, а в прокси-режиме — частные неафишируемые структуры. Это означает:

- возможность **ускоренного создания альтернативной медиаэкосистемы**, заточенной под антизападную мобилизацию;
- радикализацию нарративов, особенно среди молодежи и военных;
- **политико-психологическое разъединение региона с ECOWAS и AU** на уровне смыслов и коммуникации.

2. Эскалация информационных войн вокруг выборов (2025–2026)

Предстоящие президентские кампании в Нигерии (региональные), Гане, ЮАР, Эфиопии и других странах станут **точками массового применения psyops**. Признаки:

- использование ИИ для генерации контента и дипфейков;
- массовые сетевые операции через Telegram, WhatsApp и TikTok;
- борьба не только между локальными кандидатами, но и **между внешними акторами, заинтересованными в результате** (например, США vs Китай в ЮАР).

3. Рост напряжённости между англосферой и франкоязычной зоной

Разделение континента по линии англоязычного и франкоязычного информационного кода усиливается.

Возможны:

- **медийные прокси-конфликты между Великобританией, США и Францией** в Западной и Центральной Африке;
- конкуренция нарративов: «либеральная демократия» против «автономного национального пути»;
- использование медиапространства для **переформатирования культурной идентичности**, особенно в странах с исторической двойной лояльностью (например, Камерун).

4. Углубление религиозно-информационного противостояния

Исламское пространство в Африке становится ареной **медиадизированной конкуренции между суннитскими и шиитскими проектами**, поддерживаемыми внешними акторами — Саудовской Аравией, Турцией, Ираном. Варианты развития:

- **усиление влияния религиозных проповедников как инфлюенсеров**, особенно в радио и Telegram-формате;
- запуск псевдорелигиозных psyops на базе гуманитарных и медико-образовательных программ;
- возможность дестабилизации светских режимов через **идеологически окрашенную информационную мобилизацию**.

5. Военно-гуманитарные гибридные сценарии

Ожидается рост попыток **маскировать информационные операции под гуманитарные, климатические или антикризисные кампании**, особенно в условиях нарастающей климатической нестабильности (регион Судана, озеро Чад, восточный Конго). Такие кейсы будут использовать:

- **медицинскую помощь как информационную обёртку**;
- климатическую повестку как «экологический инструмент подчинения»;
- продвижение “resilience projects” как **инструмент системного смыслового вторжения** (через язык, культурные паттерны, зависимости от грантов).

6. Возможность “медиапереворотов” через внутренние элиты

Появляется риск, что **внутренние элиты (включая военные, чиновников, журналистов)**, интегрированные в международные экспертные и медиа-сети, начнут использовать внешнее информационное прикрытие для **политической трансформации режимов без прямых протестов или переворотов**.
Формат:

- дезинтеграция власти через информационные скандалы и инсайды;
- **создание альтернативных структур легитимности через медиаплатформы**;
- дипломатическая делегитимация правящих лидеров.

7. Рекомендации для нейтрализации внешнего информационного давления

Этот блок ориентирован на **стратегическое и практическое применение** — как для африканских государств, так и для международных партнёров, стремящихся поддерживать информационную устойчивость, не теряя суверенитет.

Таблица 5. Угрозы и контрмеры

Угроза	Механизм воздействия	Контрмера
Психологические операции в мессенджерах и TikTok	Эмоциональный контент, мемы, фейки, видеопсихозы	Киберволонтеры, инфлюенсеры с критическим мышлением, наращивание контрконтента
Манипуляции через внешние СМИ и аналитические центры	Псевдоаналитика, отчеты, экспертные вбросы	Укрепление локальных аналитических центров и независимых фактчекеров
Деморализация элит через инсайдов и репутационные атаки	Симуляция утечек, досье, фальшивые расследования	Создание собственных инсайдерских каналов и кризисных стратегий репутационной защиты
Фейковые кампании и слухи в WhatsApp	Голосовухи, «очевидцы», цепочка паники	Региональные центры мониторинга и раннего реагирования, работа с trusted voices
Культурное и религиозное программирование	Проповеди, образовательные сети, культурные хабы	Интеграция локальных культурных кодов в стратегическое вещание, работа с альтернативными лидерами мнений
Институциональное давление через международные платформы	Удаление контента, алгоритмический бан, монополия нарративов	Продвижение цифрового суверенитета

1. Выстраивание институциональной информационной устойчивости

- Необходимо создание **национальных центров стратегических коммуникаций и противодействия дезинформации**, действующих не как органы цензуры, а как аналитические хабы.
- Важно интегрировать медиааналитику, фактчекинг, прогнозирование и стратегическое реагирование в единую архитектуру.
- Рекомендуется выстраивать **протоколы кризисного реагирования на информационные атаки**: от слухов и фейков до операций по деморализации элит и армии.

2. Поддержка локальных медиаплатформ с высокой степенью доверия

- Усиление **общественных и независимых медиа**, имеющих культурную и лингвистическую легитимность.
- Разработка механизмов **устойчивого финансирования таких платформ**, чтобы минимизировать зависимость от иностранных доноров.
- Продвижение **локальных журналистских стандартов и кодексов** — с фокусом на контекстуальную правду, а не западные шаблоны.

3. Целенаправленное развитие медиаграмотности

- Введение **медиаграмотности в школьные и университетские программы** как отдельной дисциплины.
- Создание визуальных, аудио и мультязычных материалов для обучения распознаванию манипуляций.

- Проведение **обучающих кампаний через уважаемых локальных лидеров — учителей, проповедников, старейшин** — для повышения иммунитета на уровне сообществ.

4. Цифровой суверенитет и контроль над платформами

- Разработка или локализация **национальных платформ распространения контента и новостей**, включая защищённые каналы госкоммуникаций.
- Переговоры с международными ИТ-гигантами (Meta, Google, TikTok, Telegram) об открытии **региональных представительств** и участии в информационной ответственности.
- Продвижение **региональных альянсов цифрового регулирования** (по аналогии с ЕС) с фокусом на Африканский союз или ECOWAS.

5. Информационная дипломатия и нарративный суверенитет

- Внешнеполитические службы стран Африки должны выстраивать **собственные медианарративы** о внутренней и внешней политике, истории, идентичности.
- Создание **медиа-департаментов в структурах МИД**, ориентированных на быстрое опровержение, объяснение и нейтрализацию искажающих нарративов.
- Активное участие в международных дискуссиях о цифровой справедливости, чтобы **вывести внешнее давление в поле диалога и политической защиты**.

6. Контрнарративные инициативы через культуру, искусство и инфлюенсеров

- Запуск **национальных конкурсов, сериалов, коротких видео и мемов**, продвигающих позитивную, мобилизующую идентичность и альтернативные образы будущего.
- Сотрудничество с TikTok-блогерами, музыкальными лейблами, уличными художниками — не для пропаганды, а для **органической трансляции альтернативы внешнему контролю**.
- Инвестиции в **медиа-платформы на локальных языках**, способные конкурировать с адаптированными англо- и франкоязычными внешними каналами.

7. Создание сети “кибергражданской обороны”

- Формирование сетей добровольцев — **цифровых стражей, “кибериммунитета”**, — обученных мониторингу, верификации и контрвбросам.
- Вовлечение молодёжи и студенчества в **симуляционные учения и игровые форматы противодействия psyops**, включая роль контринфлюенсеров.

Таблица 6. Чек-лист по нейтрализации давления

№/п	Направление	Что делать	Кому поручить	Результат
1	Институциональная устойчивость	• Создать центр стратегических коммуникаций • Интегрировать мониторинг • Интегрировать прогнозирование • Интегрировать реагирование	1. Правительство 2. Совет нац. безопасности 3. МИД	Повышение управляемости в условиях информационных кризисов
2	Поддержка локальных медиа	• Финансировать и защищать	1. Минкультуры 2. Агентства по СМИ	Укрепление доверия к внутренним

		независимые локальные медиа • Развивать кодексы и стандарты	3. Региональные администрации	каналам информации, снижение зависимости от внешних медиаструктур
3	Медиаграмотность населения	• Ввести медиаграмотность в школы • Запустить визуальные и аудио курсы для сообществ	1. Минобразования 2. НКО 3. Местные лидеры	Формирование иммунитета к фейкам и манипуляциям, снижение эффективности внешнего воздействия
4	Цифровой суверенитет	• Разработать национальные платформы • Заключить соглашения с глобальными ИТ-игроками	1. Минцифры 2. Телекомм. Агентства 3. ИТ-платформы	Снижение платформенной уязвимости, усиление контроля над алгоритмами и потоками данных
5	Информационная дипломатия	• Укрепить МИД в области стратегических нарративов • Реагировать на вбросы и манипуляции	1. МИД 2. Дипломатические миссии 3. Национальные медиацентры	Повышение международной легитимности, защита нарратива от внешнего искажения
6	Контрнарративы и культурное влияние	• Инвестировать в TikTok • Инвестировать в музыку • Инвестировать в сериалы • Инвестировать в мемы Продвигающие суверенитет и идентичность	1. Минкульт 2. Молодежные агентства 3. Творческие кластеры	Конкурентоспособность локального контента, усиление культурной идентичности и эмоциональной сплоченности
7	Кибергражданская оборона	• Сформировать цифровые добровольческие сети • Обучать активистов работе с фейками и дезинформации	1. Спецслужбы 2. Молодежные организации 3. ИТ-активисты	Формирование горизонтальных сетей быстрого реагирования на дезинформацию, повышение вовлеченности граждан
8	Защита военных и служащих от psyops	• Создать psy-отделы в воинских структурах • Обучить командиров выявлению деморализующих вбросов	1. Минобороны 2. Командные школы 3. Psy-службы	Предотвращение деморализации войск, нейтрализации враждебных воздействий на служащих
9	Реформа образования в сфере информации	• Обновить учебные курсы в ВУЗах • Ввести дисциплины по ИТ-безопасности и	1. Минобразования 2. Агентства цифрового развития 3. Университеты	Формирование поколения критически мыслящих граждан, устойчивая

		критическому мышлению		образовательная база
10	Мониторинг платформ и алгоритмов	• Организовать нац. хабы по анализу алгоритмов • Публиковать отчеты о цифровой манипуляции	1. Аналитические центры 2. Парламентские комитеты 3. Минцифры	Прозрачность алгоритмов, выявление скрытых манипуляций и снижение инфо. воздействия
11	Коалиция цифрового сопротивления	• Создать африканский альянс платформенной ответственности • Вырабатывать общие меры реагирования	1. Африканский союз 2. Региональные блоки 3. Цифровые регуляторы	Коллективная киберустойчивость региона, снижение фрагментации реагирования
12	Профилактика медиаэкстремизма и радикализации	• Проводить раннюю диагностику токсичного контента • Развивать инициативы soft-power	1. МВД 2. Прокуратура 3. Правозащитные организации 4. Мессенджер-платформы	Снижение радикализации через медиа, деактивация экстремистских сетей и смыслов

8. Выводы по отчету

Информационное пространство Африки в начале 2020-х годов оказалось в центре интенсивной борьбы за влияние между глобальными акторами. Быстрая цифровизация, рост аудитории в соцсетях и слабость институциональных и правовых механизмов создали уникальные условия, в которых внешние силы могут эффективно проводить информационно-психологические операции, не прибегая к открытому вмешательству.

Медиаполе континента характеризуется фрагментацией, низкой медиаграмотностью, недоверием к официальным каналам и высокой зависимостью от иностранных платформ. В этой экосистеме наибольший охват имеют радио и мессенджеры, особенно WhatsApp и Telegram, что делает их идеальной инфраструктурой для децентрализованных и анонимных операций влияния. Социальные сети, особенно TikTok и Facebook, усиливают эффект за счет визуального, эмоционального и поведенчески таргетированного контента.

Структура владения СМИ дополнительно усиливает уязвимость: национальные телеканалы подчинены властям, частные издания — аффилированы с элитами, а международные медиаструктуры формируют устойчивые внешние нарративы. Значимую роль играют гибридные медиа и псевдонезависимые проекты, поддерживаемые грантами и внешними агентами, которые формируют точки входа для чуждых интересов под видом гражданской активности.

Влияние осуществляется точно, с учетом культурного кода и поведенческих профилей: на молодежь действуют через мемы и TikTok, на женщин — через слухи и религиозные сети, на элиты — через инсайды, давление и экспертные вбросы. Операции становятся менее заметными и более персонализированными, с применением ИИ, поведенческого анализа и гибридной социокультурной упаковки.

Основные риски связаны с электоральными циклами, региональными кризисами, религиозной радикализацией и деградацией доверия к государству. Потенциальные очаги эскалации — Сахель, Нигерия, ЮАР, Эфиопия, Конго, страны с активной цифровой молодежью и слабыми институтами.

Для нейтрализации давления необходимо развивать институциональные структуры стратегических коммуникаций, цифровой суверенитет, локальные медиаплатформы, системы медиаобразования, а также формировать культурно-психологический иммунитет через контрнарративы и работу с инфлюенсерами. Также критически важно внедрить архитектуру “гражданской киберобороны” и участвовать в международных коалициях по защите информационного суверенитета.

Будущее информационной безопасности Африки будет определяться не только объемом внешнего воздействия, но и способностью национальных и региональных элит создать адаптивную, децентрализованную и культурно укоренённую систему защиты смыслов, каналов и коллективной идентичности.